

Ю. И. Мурзаханов

Горско-еврейский
этнограф

Илья Шеребетович
АНИСИМОВ

«НАУКА»

Ю. И. Мурзаханов

Горско-еврейский
этнограф
Илья Шеребетович
АНИСИМОВ

МОСКВА
«НАУКА»
2002

УДК 391/395
ББК 63.5 (2)
М 91

*Издание осуществлено при поддержке Группы ЗАР,
Московской религиозной общины горских евреев "Бейт Талхум",
Российского фонда сохранения и развития еврейской культуры
в память основателя фонда
известного мецената и предпринимателя Т.Г. Гуршумова*

Под общей редакцией
доктора философских наук *С.И. Вайнштейна*

*На обложке — фото И.Ш. Анисимова
из личного архива его внучки М.Д. Анисимовой*

Мурзаханов Ю.И.

Горско-еврейский этнограф Илья Шеребетович Анисимов / Ю.И. Мурзаханов; [Под ред. С.И. Вайнштейна]. — М.: Наука, 2002. — 39 с. — ISBN 5-02-008842-0

Работа написана в связи с подготовкой Институтом этнологии и антропологии РАН, Российским фондом сохранения и развития еврейской культуры Научной сессии, посвященной 140-летию со дня рождения известного этнографа И.Ш. Анисимова — автора первой монографии о горских евреях (1888 г.), ставшей библиографической редкостью. Автор дает основные вехи жизни и деятельности И.Ш. Анисимова и раскрывает значение его труда "Кавказские евреи-горцы" как источника по этнографии горских евреев.

Для этнографов, историков и широкого круга читателей.

Без объявления

ISBN 5-02-008842-0

© Ю.И. Мурзаханов, 2002
© Издательство "Наука",
оформление, 2002

И.Ш. АНИСИМОВ И ЕГО СОЧИНЕНИЕ

Выдающаяся роль в изучении этнографии горских евреев принадлежит первому горско-еврейскому этнографу И.Ш. Анисимову, автору известного сочинения "Кавказские еврей-горцы"¹.

Илья Шеребетович Анисимов родился 29 мая 1862 г. в селении Тарки Темир-Хан-Шуринского округа Дагестанской области. По семейным преданиям, Анисимовы вели свое происхождение от старинного рода "Ождохохо" (богатыри); из поколения в поколение передавалась легенда о том, что один из предков этого славного рода, по имени Соломон, схватив волка, убегавшего из овчарни с добычей, убил его ударом о землю, а затем разорвал пополам². Отец Ильи — Шеребет Нисим-оглы — известен как один из самых образованнейших раввинов своего времени³. Он был первым горским евреем, учившимся в знаменитой Воложинской иешиве, после чего провел три года в Иерусалиме. Вернувшись из "святого города", он долгие годы служил раввином в с. Тарки (благодаря его усилиям здесь было открыто еврейское училище), а затем в Темир-Хан-Шуре⁴. Рано потеряв родителей, Шеребет остался кормильцем и главой большой семьи (у него на иждивении было несколько младших братьев; кроме того, к этому времени он был уже женат и имел детей)⁵. В начале 90-х годов XIX в. он поселяется в Иерусалиме, где в 1884 г. ему удалось издать небольшую по объему книгу под названием "Древности горских евреев"⁶. В 1906 г. Ш. Анисимов вернулся в Дагестан.

Получив благодаря отцу хорошее домашнее образование, Илья был принят в сентябре 1882 г. сразу в шестой класс правительственной городской школы (реальное училище) в Темир-Хан-Шуре (он обучался на казенный счет, получая стипендию военно-народного правления Кавказского края). "По окончательном испытании" Илья показал

отличные знания по следующим предметам: русский язык, география, рисование, естественная история, химия. В аттестате, выданном ему дирекцией училища, указывалось, что при вступлении в гражданскую службу Анисимов на основании ст. 96 Устава реальных училищ пользуется правами, общими с воспитанниками средних учебных заведений. По отправлению воинской повинности он пользуется льготами, предоставленными второму разряду по образованию"⁷.

В 1883 г. Илья поступил в дополнительный класс горского отделения Ставропольской гимназии, где прошел годичный курс обучения. Полученное им по окончании гимназии свидетельство (от 16 июня 1884 г.) подтверждало, что он имеет право "поступать в высшие специальные училища, подвергаясь только поверочному испытанию..."⁸.

Еще в юношеские годы Илья познакомился с главным рабби Южного Дагестана Х. Мушаиловым, который часто бывал в доме Шеребета Нисим-оглы. Именно он и посоветовал Илье заняться этнографическим изучением своего народа, и в частности описать свадебные и похоронные обряды горских евреев. Юноша с энтузиазмом взялся за работу, и в 1881 г. в русско-еврейской газете "Рассвет" появился очерк "Кавказские еврей-горцы"⁹ (впоследствии в значительно переработанном виде вошедший в монографию о горских евреях). Статья была подписана Анисимов; с тех пор все свои работы Илья стал подписывать этой фамилией¹⁰.

В трехлетнем возрасте Илья был обручен с девочкой, чьи родители дружили с семьей Анисимовых; приближался обговоренный ранее срок свадьбы. С большим трудом Илье удалось (не без помощи прибывшего с ним инспектора темир-хан-шуринской школы, высоко отзывавшегося о способностях одаренного юноши) уговорить родителей отпустить его на учебу в Ставрополь. Летом 1884 г., сразу после окончания гимназии, Илья, не попрощавшись с родителями, уехал в Санкт-Петербург вместе со своим двоюродным братом Осипом Зиновьевичем Осиповым, купцом 2-й гильдии (Осипов часто навещал столицу по коммерческим делам). В начале августа Илья был уже в Москве, имея при себе прошение Осипова на имя директора Императорского Московского технического училища.

"Желая поместить своего двоюродного брата, Илью Анисимова, — говорилось в письме, — имеющего от роду 22 года, сын жителя (мещанина) сел. Тарки Темир-Хан-Шуринского округа, Дагестанской области Шеребета Анисимова, в приготовительный класс технического училища, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о принятии его. При сем представляю документы, а именно свидетельства:

- a) метрическое
 - b) о прививке оспы
 - c) аттестат 6-го класса Т-Х-Шуринского реального училища
 - d) свидетельство 7 класса дополнительной Ставропольской гимназии реального отделения
 - e) отбыванию воинской повинности по Высочайшему уставу 1874 года, как кавказский уроженец, он не подлежит".
- Письмо датировано 5 августа 1884 г. ¹¹

24 августа 1884 г. канцелярия московского обер-полицмейстера (паспортное отделение) выдала Анисимову свидетельство (за № 7368), в котором указывалось, что "к поступлению его в Императорское Московское техническое училище для продолжения образования препятствия со стороны московской полиции нет", и уже 29 августа Илье было вручено удостоверение № 4311 (подписанное исполняющим обязанности директора училища И. Аристовым) о том, что он "по постановлению педагогического совета Императорского технического училища принят в число приходящих учеников приготовительного отделения сего училища"¹².

Стипендия Анисимову выплачивалась военно-народным правлением Кавказского края, а оплату за обучение (в размере 150 руб. за учебный год) вносила канцелярия военного губернатора Дагестанской области. Стипендия, составлявшая 300 руб. в год, высылалась канцелярией главноначальствующего по военно-народному правлению Кавказского края в адрес дирекции училища с таким расчетом, чтобы Анисимову выплачивалось по 25 руб. в месяц. В письме на имя директора училища (от 22 сентября 1884 г.) Илья просит выдать ему в сентябре 15 руб., а в другие месяцы, как он пишет, "потребную мне часть их", с тем, чтобы "отложить некоторую сумму для взноса за право слушания лекций 2-го

полугодия". С начала 1888 г. канцелярия главноначальствующего увеличила размер выплачиваемой Анисимову стипендии на 100 руб.; это произошло после того, как приказом директора училища (от 10 декабря 1887 г.) Илья был переведен в 3-й общий класс механического отделения¹³.

В мае 1885 г. в двух московских газетах — "Полицейские ведомости" и "Русские ведомости" — появилось следующее объявление: "В отъезде, не стесняясь расстоянием, ищет урока или какого-нибудь занятия студент-техник Императорского технического училища И.А., говорит на восточных языках. Адрес: Немецкая улица. Демидовский переулок, дом Шавровых, квартира Власьевой"¹⁴. Это объявление оказалось счастливым для Ильи; благодаря ему в жизни Анисимова произошло знаменательное событие, надолго определившие всю его дальнейшую жизнь, — знакомство с выдающимся русским ученым В.Ф. Миллером (Илье удалось получить место в качестве частного преподавателя в одной из семей, близко знакомой с Всеволодом Федоровичем).

В июне 1883 г., во время путешествия по Кавказу, В.Ф. Миллер посетил слободу Нальчик, где и познакомился с горскими евреями. М.М. Ковалевский сопровождавший Миллера, отмечал в своем дневнике, что в Нальчике Всеволод Федорович "записывал говор евреев, продолжавших держаться в своем разговорном языке средневекового персидского"¹⁵. В своем очерке "В горских обществах Кабарды", опубликованном в "Вестнике Европы", знаменитые путешественники делились с читателями своими впечатлениями, связанными с посещением горско-еврейского поселка: "В версте от Нальчика раскинулась довольно обширная еврейская колония. Интересуясь горскими евреями, сохранившими свой тип в несравненно большей чистоте, нежели европейские, мы отправились туда. Мужское население было на базаре в Нальчике, и из окон и дверей на нас с любопытством смотрели смуглые библейские лица женщин и детей. Нам редко случалось видеть в течение какого-нибудь полчаса правильных и прелестных личек с знойными глазами и курчавыми головами. Остановившись перед чистеньким домиком рабби, мы вошли к нему, чтобы собрать некоторые сведения"¹⁶.

Во время беседы по просьбе Миллера раввин продиктовал ему несколько слов и фраз на татском языке, которые Всеволод Федорович записал в свой блокнот. "Заинтересованный этим своеобразным иранским наречием, — вспоминал позднее Миллер, — до сих пор не исследованным ни с грамматической, ни с лексической стороны, я искал случая познакомиться с ним более основательно. Такой случай представился мне в Москве, благодаря знакомству с горским евреем, студентом Императорского технического училища И.Ш. Анисимовым, который первый из кавказских единоверцев получил образование в русских учебных заведениях. В течение двух лет я изучал при помощи Анисимова его родной язык и составил очерк грамматики и словарь"¹⁷.

Ознакомившись со статьей Анисимова в "Рассвете", В.Ф. Миллер разглядел его недюжинные способности, склонность к исследовательской работе и привлек талантливого молодого человека к активной деятельности в возглавляемом им этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

31 октября 1885 г. И.Ш. Анисимов выступил с докладом на заседании этнографического отдела ОЛЕАЭ. Он привел собранные им статистические сведения о численности горских евреев, назвал населенные пункты, где они проживали, познакомил присутствующих с религиозными верованиями горских евреев (особо выделив в них элементы язычества). Касаясь таких институтов свадебного цикла, как калым и умыкание, докладчик подчеркнул, что "обычай требует платить за невесту слишком высокий калым, рублей 300 — 400. Обычай воровать девушек у евреев развит меньше, чем у других горских племен, так как увоз невесты постоянно кончается у них боевыми схватками с ее родственниками"¹⁸.

В.Ф. Миллер, председательствовавший на заседании, отметил, что "сообщение г. Анисимова (или точнее Нисим-оглы) представляет тем больший интерес, что о горских евреях в нашей этнографической литературе до сих пор не было достоверных и обстоятельных сведений, и что г. Анисимов, сын раввина и первый из своего племени, получивший европейское образование, вполне подготовлен восполнить этот пробел в этнографической литературе"¹⁹.

На одном из последующих заседаний (в январе 1886 г.) И.Ш. Анисимов продолжил свое сообщение. Он подробно рассказал о занятии горских евреев — земледелии, виноградарстве, мареноводстве, кожевенничестве, указав при этом, что они занимаются также мелкой торговлей; остановился на некоторых вопросах общественно-семейного быта горских евреев²⁰.

В марте 1886 г. И.Ш. Анисимов был избран членом этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии²¹. Тогда же он выступил с еще одним докладом, в котором подробно описал свадебные обряды горских евреев²².

По предложению В.Ф. Миллера Московское Археологическое Общество (МАО) поручило Анисимову совершить поездку на Кавказ для сбора историко-этнографических материалов о горских евреях; для этой цели Общество выделило 300 руб.²³, при этом данная сумма была отнесена на "счет расходов по археологической экспедиции в Терскую область, предпринятой по поручению Императорского Московского Археологического Общества д.ч. (действительного члена. — Ю.М.) Всеволода Миллера летом 1886 г."²⁴ Двести рублей были получены Анисимовым в Москве (сохранилась расписка, данная им при получении денег: "Я, нижеподписавшийся, слушатель Императорского Московского технического училища Илья Шеребетович Анисимов, получил от Всеволода Федоровича Миллера для археологических исследований кавказских горских евреев двести рублей... Москва. Май 23-го 1886 г. И. Анисимов"). При этом он обязался предоставить Московскому Археологическому Обществу результаты своих исследований. Остальные 100 руб. В.Ф. Миллер в августе 1886 г. выслал почтой из Владикавказа в Темир-Хан-Шуру на имя Анисимова²⁵.

В своем отчетном докладе по возвращении из поездки Анисимов отмечал: "Благодаря ходатайству Вс.Фед. Миллера я получил поручение от Московского Археологического Общества описать в археологическом отношении Дагестан и собрать исторические предания горских евреев. Пользуясь этим благоприятным обстоятельством, я принял на себя и поручение этнографического отдела исследовать быт и собрать статистические сведения о моих соотечественниках..."²⁶

Анисимов посетил 88 городов и аулов Дагестанской и Терской областей, Бакинской и Елизаветпольской губерний. "В общей сложности, в течение 3-х месяцев мне пришлось проехать по горам верхом около 1200 верст, а всего, считая от Москвы и обратно, около 7000 верст", — писал он в своей монографии²⁷. Во время путешествия он вел оживленную переписку с Миллером²⁸.

В июне 1886 г. Анисимов прибыл в Дагестан. В Темир-Хан-Шуре он встретился с главным рабби Южного Дагестана Хазкелем Мушаиловым. "Как человек, содействовавший мне и прежде в собирании материалов для истории горских евреев ... обещал опять сделать мне все, что он в состоянии" — писал о нем Анисимов в одном из своих писем к Миллеру²⁹.

Хазкель Мушаилов, собиравшийся в ближайшее время покинуть Дагестан и уехать в Иерусалим, передал Анисимову свои записки на древнееврейском языке (он долгое время собирал исторические предания о прибытии евреев на Кавказ, о различных периодах этнической истории горских евреев). Ознакомившись с этими ценными материалами, Илья указывал, что "в них было много того, чего нет совсем в моих исторических преданиях" (письмо к Миллеру от 22 июня 1886 г.)³⁰. А главный рабби Дагестана Яков Ицхаки (с которым Анисимов встретился позже) подарил ему свой экземпляр знаменитого средневекового рукописного памятника "Дербент-наме"; помимо этого, он подарил Илье некоторые свои исторические записки, которые тот использовал при написании своей монографии о горских евреях.

Еще находясь в экспедиции, Анисимов перевел "Дербент-наме" на русский язык; по его мнению, это сочинение могло "в некотором отношении служить путеводной звездой для составления истории горских евреев"³¹. Впоследствии, по возвращении из поездки, он передал рукопись в МАО, и на одном из заседаний Общества (23 марта 1891 г.) преподавателем арабского языка специальных классов Лазаревского института восточных языков М.О. Аттая был сделан интересный доклад на тему "Арабская рукопись, привезенная с Кавказа И.Ш. Анисимовым". Во время обсуждения доклада выступил Анисимов и сообщил о том, что

“оригинал... рукописи находится в ауле Амух и принадлежит одному из потомков Шамиля”³².

Во время путешествия Анисимов вел дневник, в котором подробно описывал все, что, по собственному признанию, слышал и видел. Он писал в одном из своих писем: “В каждом ауле оставался часа 2 — 3 или ночевать, собирал стариков, судей и старшин из евреев и мусульман, составляя статистику, расспрашивая об исторических памятниках, которые я описывал... работал неутомимо, не оставаясь даже отдыхать на день, на два ни в одном ауле, так что иногда, услышав о каком-либо памятнике, не пропускал и его, хотя путь мой имел совсем другое направление. На это все нужно было время, и, боясь не успеть во все места, где есть евреи, за это короткое время, я ездил, не думая ни о лишениях в дороге, ни о труде и безостановочно. Дороги были очень скверные и необработанные. Приходилось ехать на лошади и по узким тропинкам, идущим по ребрам или вершинам голых скал или больше лесов, где не раз в этих местах открывались глубокие овраги и пропасти, через которые протекали горные потоки со страшным шумом”³³. Попутно с выполнением основной цели своего путешествия Анисимов собрал довольно большой по объему этнографический материал об удинах — немногочисленной народности, проживавшей в с. Варташен Елизаветпольской губернии.

Любопытно, что путешествие И.Ш. Анисимова вызвало большой интерес у зарубежной еврейской общественности³⁴.

В октябре 1886 г. Анисимов выступил перед членами Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с отчетным докладом о своей поездке. Он подчеркнул, что горские евреи, так же как и многие другие горские народы Кавказа, не становились объектом научного исследования и что знакомство с В.Ф. Миллером, “обратившемся ко мне за сведениями о языке моего племени, вызвало во мне горячее желание подробнее изучить современный быт и прошедшую историю моих соотечественников”³⁵. Подробно обрисовав маршрут своего трехмесячного путешествия и приведя статистические данные о еврейском населении в тех городах и аулах, где он побывал (для этого он пользовался имевшимися на местах посемейными списками, а если та-

ковые отсутствовали, то ему приходилось самому составлять статистические таблицы), Анисимов заметил: "...везде я старался собирать старые письменные документы, расспрашивал о быте, занятиях, обрядах, обычном праве и произведениях народного творчества. Везде смотрели на меня как на своего, с доверием, так как я говорил на местных языках, татском или так называемом горско-еврейском и татарском (азербайджанском), и не скрывали от меня никаких сторон своей жизни"³⁶.

Вместе с Ильей на заседании присутствовали несколько горских евреев, прибывших по его просьбе вместе с ним на несколько дней в Москву, поэтому свое сообщение он закончил следующими словами: "В ближайшем будущем я надеюсь более подробно познакомить этнографический отдел с результатами моей поездки; а в настоящее время я позволю себе представить вашему благосклонному вниманию несколько типов моих соотечественников и соотечественниц"³⁷.

21 ноября 1886 г. В.Ф. Миллер, выступая на заседании МАО с сообщением о своей поездке на Кавказ, уведомил собравшихся о том, что отчет "г. Анисимова о результатах его поездки к кавказским горским евреям будет представлен в одном из следующих заседаний"³⁸.

Секретарь МАО А.В. Орешников на одном из заседаний Общества (27 марта 1887 г.), представляя свой отчетный доклад "о состоянии деятельности Московского Археологического Общества за минувший отчетный год с 14 марта 1886 по 27 марта 1887 г.", между прочим отметил: «Рекомендованный В.Ф. Миллером г. Анисимов исполнил возложенное на него поручение: объездил многие города, аулы, урочища Дагестана, Елисаветпольской губ., Бакинской и Терской областей; записал многие предания и зарисовал памятники. Отчет о своей поездке он доставил в Общество. Этот отчет будет доложен вместе с приложенным к нему переводом дербентской истории "Дербент-наме"...»³⁹ Отчет И.Ш. Анисимова о поездке был прочитан В.Ф. Миллером на очередном заседании Общества (в апреле 1887 г.). Прослушав отчет, присутствовавшие на заседании члены Общества приняли следующее постановление: "Отчет передать в предварительный комитет VII Археологического съезда, а г. Анисимову выра-

зять благодарность за успешное выполнение возложенного на него Обществом поручения"⁴⁰.

Собранные Анисимовым во время экспедиции интересные исторические, этнографические и статистические сведения послужили исходным материалом для написания монографии "Кавказские еврей-горцы"; знаменательно, что Илья посвятил свой труд В.Ф. Миллеру.

Сочинение Анисимова (напечатанное в третьем выпуске "Сборника материалов по этнографии, издаваемого при Дашковском этнографическом музее", а затем выпущенное отдельной книгой в типографии Е.Г. Потапова тиражом в тысячу экземпляров и ценой в один рубль) получило широкую известность; вскоре после выхода оно было удостоено положительных рецензий в таких журналах, как "Русская мысль", "Восход", "Журнал Министерства народного просвещения"⁴¹. "Книга читается легко и представляет по содержанию немалый интерес", — писал рецензент "Русской мысли", а автор небольшой заметки в "Журнале Министерства народного просвещения" подчеркивает, что "г. Анисимов сам уроженец горско-еврейских аулов и многое выясняет и бытописует на основании личного пребывания в исследуемой среде во время своего детства и отрочества"⁴².

Все авторы, писавшие статьи и очерки обзорного характера о горских евреях (в конце XIX — 30-х годах XX в.) как на русском, так и на иностранных языках (В.Ф. Миллер, Е. Козубский, А. Дирр, П. Надеждин, С. Авалиани, А. Катц, К. Ган, Я. Янко и другие), пользовались сведениями, почерпнутыми из монографии И.Ш. Анисимова. Высокую оценку получило его исследование и в современной отечественной историографии. Так, известный дагестанский ученый Г.Ш. Каймаразов отмечал: "Большую научную ценность представляют работы И.Ш. Анисимова, посвященные этнографии горских евреев", «"Кавказские еврей-горцы" — одно из наиболее серьезных монографических исследований по этнографии этого народа, выполненных в дореволюционный период»⁴³.

К этому можно только добавить, что "Кавказские еврей-горцы" остаются до настоящего времени единственным монографическим исследованием в отечественной историографии, посвященным этнографии горских евреев.

В мае 1890 г. Илья, будучи студентом 2-го специального класса инженерно-механического отделения Московского технического училища, обратился к его директору со следующим прошением: «Желая изучить специально бумаго-прядельное и ткацкое дело в летнее вакационное время, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство исходатайствовать мне перед педагогическим советом командировку на одну из подмосковных фабрик, лучше б на Раменскую. Причем прошу педагогический совет дать мне через г. преподавателя "Волокнистые вещества" Семена Андреевича Федорова и программу занятий. Затем мое материальное положение, как стипендиата, таково, что осмелюсь просить Вас справиться, дадут ли мне стол и квартиру»⁴⁴. Педагогический совет училища, в свою очередь, обратился к правлению Реутовской мануфактуры с просьбой принять Анисимова на работу⁴⁵, и, судя по имеющимся в нашем распоряжении архивным документам, просьба училища была удовлетворена, однако в июне этого же года этнографический отдел ОЛЕАЭ поручил Илье совершить второе большое путешествие по Кавказу.

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится "Отчет путешествия по Дагестанской области летом 1890-го года И.Ш. Анисимова", написанный рукой Ильи 6 октября 1890 г. (в это время он проживал по следующему адресу: угол Немецкой улицы и Гарднерского переулка, д. Шибаевой, кв. Степанова).

Летом 1888 г. Илья уже побывал в нескольких селениях Аварского и Губинского округов Дагестанской области в кратковременной экспедиционной поездке (представив после возвращения отчет этнографическому отделу ОЛЕАЭ). Путешествие, совершенное летом 1890 г. (достаточно продолжительное), так же, как и предыдущее, было предпринято с целью этнографического изучения аварцев. Анисимов посетил 27 селений Губинского, Даргинского и Казикумского округов; при сборе полевого материала он пользовался опросником, составленным этнографическим отделом ОЛЕАЭ.

Анисимовым также был собран определенный этнографический материал среди лакцев и даргинцев, проживавших соответственно в Даргинском и Казикумухском округах. Благодаря содействию начальника Даргинского округа

С.К. Джаврова, Илье удалось записать как общие адаты Даргинского округа, так и адаты всех семи обществ (Акушинского, Микигинского, Мугинского, Сюргинского, Урахлинского, Улишинского и Цудахарского), составлявших этот округ. "Приезжая в каждый аул, — пишет Анисимов, — я просил старшину или наиба собрать несколько старых опытных людей, хорошо знающих свои исторические предания, нравы и обычаи". Его интересовали следующие вопросы: "родовые и семейные предания о происхождении аварцев и их христианских фамилий, об остатках христианства в стране, об их занятиях и промыслах, о праздниках и жертвоприношениях, о похищении невест, о церемониях при помолвке и свадьбе, о народных песнях и играх, о гостеприимстве, о болезнях и способе их лечения, о церемониях при родах, обрезании и похоронах, о загробной жизни, о Божьем суде и прочее.

Большой материал был собран Анисимовым по традиционному обычному праву аварцев. Им также были записаны "звуковой азбукой, составленной С.-Петербургской Академией наук, около 100 общеупотребительных слов и имена числительные, а затем по одной поэме и одной любовной песне" аварцев, даргинцев и лакцев.

По словам Анисимова, это путешествие должно было иметь некоторую связь с изданной им в 1888 году книжкой "Кавказские еврей-горцы". «Дело в том, что давно носились народные предания, что аварское племя образовалось из 3-х племен: армян, грузин и горских евреев, которых целыми аулами перевели арабы силою оружия в магометанство, во времена их господства на Кавказе. Затем, многие путешественники по Дагестанской области прямо указывали на некоторые аулы в Аварском и Губинском округах, как напр. Салта, Уруджа, Карадаг и др., где будто бы найдены еврейские книги, еврейские кладбища и тип жителей которых совершенно походит на тип горских евреев. Кроме того, некоторые указания о существовании в этом крае евреев, перешедших в мусульманство, я нашел тогда в истории Дербента "Дербент-наме", которая написана на арабском языке. Да, наконец, в Кюринском округе, как объяснял я в прошлых своих рефератах, пришлось мне лично видеться с татами-магометанами, которых я не мог

отличить ни по внешнему виду, ни по языку от дербентских или кубинских евреев».

Анисимов утверждает, что, исследуя некоторые аспекты соционормативной культуры аварцев, их культуры жизнеобеспечения и т.д., можно сделать вывод, что "они еще более, чем кюринские таты, походят на настоящих горских евреев сел. Маджалиса и Чуфут-Катты, откуда они рассеялись по Дагестанской области лет 500–600 назад вследствие арабских гонений".

Для подтверждения своих мыслей Анисимов ссылается на тот факт, что многие занятия аварцев – жителей некоторых аулов Аварского и Гунибского округов (которых он называет евреями-аварцами) – кожевенничество, табаководство, садоводство, хлебопашество, торговля – прямо указывают на то (как говорили ему "настоящие", по его выражению, аварцы), что они – евреи по происхождению.

Показательным, по мнению Анисимова, является религиозный обряд, соблюдавшийся в ауле Чох Гунибского округа, в котором «принимает участие все общество и который существует у горских евреев, перешедших во времена господства арабов в магометанство. В чохской мечети показали мне на черное знамя и на саблю, которые будто бы оставлены им на память знаменитым арабским проповедником на Кавказе Абу Мислимом. В день "уроза-байрам" все общество со знаменем и саблех собирается на краю аула и становится лицом по направлению сел. Ругуджа, предки которого, по преданиям, были горские евреи и последние приняли магометанство. В знак полной победы над "заблужденными" и в знак того, что они последние сделались правоверными, кадий чохинцев вынимает саблю из ножен и машет ею 3 раза по направлению к этому селению»⁴⁶.

В 1981 г. Илья с успехом закончил инженерно-механическое отделение Московского технического училища, о чем свидетельствует выданный ему аттестат (за подписью попечителя Московского учебного округа графа П. Капниста и директора училища, действительного статского советника И. Аристов): "Педагогический Совет Императорского Московского Технического училища, на основании параграфа 21 Высочайше утвержденного в 1-й день Июня 1868 года Устава Училища, в заседании 27 мая 1981 года удостоил

окончившего полный курс учения в означенном Училище, по инженерно-механическому отделению при отличном поведении и очень хороших успехах в науках, Илью Шербетаоглы Анисимова, 29 лет, звания Инженер-Механика, со всеми правами означенному званию параграфа 23 того же Устава присвоенными. В том же заседании Педагогического Совета, за очень хорошие успехи в науках, Анисимову присвоено право ношения на правой стороне груди Высочайше утвержденного знака отличия. В удостоверении чего и выдан сей аттестат за надлежащим подписом и приложением печати. Москва. Августа 28 дня 1891 года"⁴⁷.

Анисимову удалось устроиться на службу в Москве, но вскоре он уехал в Темир-Хан-Шуру и здесь ему довелось в полной мере испытать на себе последствия дискриминационных законов, принятых царским правительством в отношении еврейского населения Российской империи. В одном из своих писем к В.Ф. Миллеру он сообщал о всех выпавших на его долю злоключениях (Илья долгое время не мог устроиться на работу). Он, в частности, писал: «Оказывается, что я до сих пор вовсе не жил и не понимал жизни. Мелочная борьба за существование и за то, чтобы стать как следует на ноги и приобрести некоторое положение, отняла у меня столько времени, погрузила меня в такую яму, далекую от всего, что в мире делается, что насилу прихожу в себя, как после глубокого сна и берусь за эти строки. Начну с того, что я горько ошибся в вынянчившей, выходившей и воспитавшей меня нашей общей матушке. Оказывается, напрасно я лелеял себя мыслью, что наша матушка не будет поступать со мною так же, как медведица со своими детенышами! На деле же все то, что Вы говорили относительно моей будущности — также вполне оправдалось: меня выкормили, вырастили, вывели на широкую дорогу и ... показали "все 4 стороны". Чего-чего, но этого я все-таки не ожидал, заметьте, не помогла даже и протекция высокопоставленных лиц, руководивших моим воспитанием. А как высоко я добивался этой "казенной дружбы", чтобы стать наглядным примером заботливости правительства о моих далеких собратях! Все ходатайства мои и хлопоты в течение почти полгода оказались напрасными, и, как ясно теперь вижу, меня не приютили только потому, что я вышел из лагеря противников хри-

стианства. Как Вам известно, я, по призыву губернатора Дагестанской области, бросил службу на новом Московском водопроводе и отправился в Т.-Х.-Шуру. Там ждали прибытия г. главноначальствующего, и канцелярия Военного губернатора подтвердила о желании его сиятельства дать мне место в строительном отделении. Пока приехал и уехал г. главноначальствующий, прошел весь сентябрь и половина октября. Наконец, иду к его сиятельству и мне говорят, что его высокопревосходительство "выразил желание" не принимать больше в число служащих Дагестанской области "туземцев" этого края...» (письмо датировано 18 ноября 1892 г.)⁴⁸.

В конце концов Анисимову удалось получить должность промыслового техника в Балаханах (Бакинской губ.), в одном из отделений Каспийско-Черноморского нефтепромышленного общества барона Ротшильда. В 1904 г. он переехал в Грозный, где продолжал работать по специальности инженера-нефтяника.

В январе 1905 г. Илья Шеребетович обратился к В.Ф. Миллеру, как "к горячо любимому учителю", с просьбой помочь осуществить "одно... заветное желание, о котором давно думаю, но до сих пор, будучи занят все время заботой о семье, не мог за него взяться. Книгу я думаю издать вновь в значительно распространенном виде, пользуясь для этого всем тем, что имеется в литературе о горских евреях, в том числе, конечно, поместив в нее множество фотографических иллюстраций из быта горских евреев и новейшие о них статистические данные"⁴⁹.

По всей видимости, В.Ф. Миллер дал положительный ответ на это письмо, и Анисимов стал активно работать над новым вариантом своей монографии "Кавказские еврей-горцы", но довести эту работу до конца ему, к сожалению, не довелось (в 1908 г. в пятом номере журнала "Гашилоах", издававшегося в Берлине на древнееврейском языке, была опубликована статья Анисимова "Горские еврей", бывшая, по всей видимости, частью вступительного очерка к новому варианту монографии⁵⁰; напечатанная ранее, в 1894 г., в одесской газете "Гамелиц" статья под заглавием "О происхождении горских евреев"⁵¹, представляла собой краткое изложение тех страниц монографии "Кавказские еврей-

горцы" (см. "Введение", с. 11 – 13), где трактуется проблема этногенеза и этнической истории евреев).

Из того же письма к В.Ф. Миллеру (от 27 января 1905 г.) мы узнаем о том, что старший сын Анисимова – Леонид, девяти лет, учится в старшем приготовительном классе Грозненского реального училища, а младший, восьмилетний Даниил, держал экзамен в младшие приготовительные классы Бакинского реального училища и готовится поступать в старший приготовительный класс; старшая дочь, семилетняя Гюль-бике "учится немецкому и музыке.... Читает по-русски"; младшая, пятилетняя Цецилия, "еще играет с куклами, а затем довольно бойко говорит по-немецки (раньше держали немку-бонну, а последние два года – немку-гувернантку). Старшие дети также говорят хорошо по-немецки, но читают и пишут порядочно. С французским языком решили подождать, пока не освоятся как следует в немецком"⁵².

И.Ш. Анисимов долгое время возглавлял комитет горских евреев г. Грозного, который вел большую культурно-просветительскую работу среди грозненских евреев; в течение нескольких лет он состоял гласным городской думы, а также входил в состав общественного самоуправления, возглавляя городскую нефтяную комиссию⁵³. Благодаря стараниям Ильи Шеребетовича была открыта горско-еврейско-русская школа в Грозном; он активно способствовал открытию такой же школы в Дербенте (вложив в ее строительство немалые денежные суммы из своих личных сбережений)⁵⁴.

В 1912 – 1913 гг. И.Ш. Анисимов состоял членом Бакинского отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России (членом Общества была также его супруга М.С. Анисимова)⁵⁵.

По предложению Ильи Шеребетовича в мае 1917 г. в Хасавюрте состоялось организационное совещание по подготовке Всекавказского съезда горских евреев (Анисимов был избран председателем совещательного собрания делегатов). Съезд намечено было провести в июне 1917 г. в Дербенте, однако по некоторым причинам он не состоялся.

Трагические события гражданской войны вынудили Анисимова уехать из Грозного; некоторое время он проживает в Кисловодске, где принимает самое активное участие

в создании культурно-просветительского кружка горских евреев, а в начале 1920-х годов ненадолго поселяется в Нальчике.

С 27 по 30 июля 1921 г. в Нальчике проходила 1-я Всекавказская конференция работников просвещения горских евреев, в работе которой принимал участие (в составе 16 делегатов от Нальчика) и Анисимов.

Вскоре после конференции Илья Шеребетович уехал в Москву, где и скончался в 1928 г.⁵⁶ Мы не располагаем сведениями о московском периоде жизни Анисимова. Известно только, что Илья Шеребетович оказывал посильную помощь своему племяннику, профессору-лингвисту Нафтали Анисимову (первому профессору среди горских евреев) в его научно-исследовательской работе в области еврейско-татского языка, представляя для этого имевшиеся в его распоряжении материалы. Так, в 1926 г. на одном из заседаний восточной секции научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов востока СССР Н. Анисимовым был сделан доклад на тему "Рукопись Ицхаки"⁵⁷ (докладчик использовал исторические записки раввина Я. Ицхаки, переданные им Илье Шеребетовичу в 1886 г. Вообще, стоит отметить, что роль И.Ш. Анисимова в становлении Нафтали как личности и как ученого значительна.

¹ Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. III. С. 171 – 322; отд. изд.: М., 1888. 152 с. (Далее: КЕГ).

² Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и о его культуре в прошлом и настоящем. СПб., 1908. Т. 2. С. 582. В ряде публикаций отчество И.Ш. Анисимова передается как Шербетович.

³ *Maggid Д.Г.* Евреи на Кавказе // Евреи на южных окраинах России. Вып. 1. Петроград. Б.г. С. 28.

⁴ Еврейская энциклопедия... Т. 2. С. 582.

⁵ *Давид Ицхак.* История евреев на Кавказе. Тель-Авив, 1990. Т. 2. С. 197.

⁶ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. С. 187.

⁷ Центральный государственный исторический архив г. Москвы (Далее: ЦГИАМ). Ф. 372. Оп. 2. Д. 956. Л. 5 – 5об.

⁸ Там же. Л. 6.

- ⁹ Анисимов И. Кавказские еврей-горцы // Рассвет. СПб., 1881. 30 апреля. № 18. С. 709 — 713; 12 июня. № 24. С. 948 — 952.
- ¹⁰ Автор статьи об Анисимове в "Еврейской энциклопедии" пишет, что его отец «был подданным имама Шамиля (1858 — 59 гг.) и перешел в русское подданство под фамилией "Нисим-оглы", т.е. "сын Нисима". Самого Илью определили в горскую школу под фамилией Нисим-оглы, но кто-то из учителей записал его просто Нисимов, потом другой прибавил О, наконец заменили начальную букву и получилось Анисимов» (Еврейская энциклопедия... Т. 2. С. 582 — 583).
- ¹¹ ЦГИАМ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 956. Л. 14.
- ¹² Там же. Л. 7, 18.
- ¹³ Там же. Л. 19, 20, 21, 56, 60, 63 — 63об.
- ¹⁴ Русские ведомости. М., 1885. 18 мая. № 134; 22 мая. № 138.
- ¹⁵ Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1988. Вып. X. С. 157.
- ¹⁶ Миллер Всеv. и Ковалевский Макс. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. СПб., 1884. Т. II. Кн. 4. С. 543 — 544.
- ¹⁷ Миллер В.Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь. СПб., 1892. Предисловие. С.Т.
- ¹⁸ Недельная хроника "Восхода". СПб., 1885. 10 ноября. № 45.
- ¹⁹ Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ. М., 1888. Т. XVIII. Вып. 2. Кн. VIII. С. 13.
- ²⁰ Там же. С. 16.
- ²¹ Там же. С. 19 (см. список членов этнографического отдела). В фонде Миллера в Российском государственном архиве литературы и искусства (Далее: РГАЛИ) сохранился небольшой листок, на котором записаны (рукой Всеволода Федоровича) фамилии членов этнографического отдела ОЛЕАЭ, начинающиеся на букву "А"; в этом списке значится и Анисимов (РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 45. Л. 43).
- ²² Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ. Т. XVIII. Вып. 2. Кн. VIII. С. 20.
- ²³ Древности. М., 1888. Т. 12. Вып. 1. Протоколы заседаний МАО за 1886 — 87 гг. С. 64.
- ²⁴ ЦГИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 88. Л. 46 — 47об. По возвращении из экспедиции В.Ф. Миллер представил МАО письменный отчет о поездке, из которого следовало, что из выделенных на экспедицию 1800 руб. было израсходовано 1433 руб. 45 коп., а остаток составил 366 руб. 55 коп.
- ²⁵ Там же. Л. 48, 49.
- ²⁶ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. М., 1887. Т. LI. Вып. 1. С. 24.
- ²⁷ КЕГ. С. 11 (здесь и далее ссылки даются по отдельному изданию).

- ²⁸ Переписка опубликована в монографии Б.А. Калоева "В.Ф. Миллер — кавказовед: (Исследования и материалы). Орджоникидзе, 1963. С. 140—156.
- ²⁹ См.: Калоев Б.А. Указ. соч. С. 143.
- ³⁰ Там же. С. 144.
- ³¹ Там же. С. 146.
- ³² Краткое изложение доклада см.: Древности восточные. М., 1896. Т. 2. Вып. 1. Протоколы заседаний восточной комиссии ИМАО. С. 78.
- ³³ Калоев Б.А. Указ. соч. С. 147.
- ³⁴ Judische Presse. Berlin. 1887. № 10. С. 105—106.
- ³⁵ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. М., 1887. Т. I. Вып. 1. С. 24.
- ³⁶ Там же. С. 24.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Древности. Труды Императорского Археологического Общества. М., 1888. Т. 12. Вып. 1. Протоколы заседаний МАО за 1886—87 гг. С. 64.
- ³⁹ Там же. Т. 12. Вып. 2. Протоколы заседаний МАО за 1886—87 г. С. 105 (особая пагинация).
- ⁴⁰ Там же. С. 130 (особая пагинация).
- ⁴¹ "Кавказские еврей-горцы" И.Ш. Анисимова // Русская мысль. М., 1888. № 9. Сент. С. 437—439; К-м-а А. Еврей-горцы. (Кавказские еврей-горцы Ильи Анисимова) // Восход. СПб., 1889. Кн. 1—2. Янв.—февр. С. 92—110; Кн. 3. С. 49—64; О.И. Кавказские еврей-горцы Ильи Шеребетовича Анисимова // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1889. № 3. Март. С. 236—237.
- ⁴² Русская мысль. М., 1889. № 9. Сент. С. 439; Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1889. № 3. Март. С. 237. Нам кажется несправедливой достаточно резкая оценка, данная сочинению Анисимова дагестанским историком и библиографом Е.И. Козубским, который пишет, что автор, "получивший образование в русских учебных заведениях, сообщает ценные известия о быте своих единоверцев, но теряет несколько почву, когда пускается в исторические домыслы" (*Козубский Е.И. Опыт библиографии Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 225*). Под полемикой Козубский понимает, по всей вероятности, хотя и довольно суровую (но, на наш взгляд, вполне корректную и справедливую) критику, которой Анисимов подвергает сочинения И. Черного и Вас. Ив. Немировича-Данченко о горских евреях, когда обращается к историографии проблемы. Не вполне понятно также, что имеет в виду Козубский, говоря об исторических домыслах автора; по всей видимости, эти слова

- относятся к тем строкам во "Введении", где Анисимов высказывает свои соображения о некоторых основных периодах этнической истории горских евреев. К слову сказать, Е.И. Козубский в своей книге "История города Дербента", говоря об этногенезе горских евреев (Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 306 – 307), буквально воспроизводит (не делая, впрочем, никаких ссылок) рассуждения на эту тему В.Ф. Миллера) (см.: Миллер В.Ф. Очерк фонетики еврейско-татского наречия. М., 1900. С. IV – VI), во многом сходные с гипотезой, которую излагает Анисимов.
- ⁴³ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 90.
- ⁴⁴ ЦГИАМ.Ф. 372. Оп. 2. Д. 956. Л. 76.
- ⁴⁵ Там же. Л. 79 – 79об.
- ⁴⁶ РГАЛИ.Ф. 1548. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 2об., 3, 3об., 5, 5об.
- ⁴⁷ ЦГИАМ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 956. Л. 97.
- ⁴⁸ Цит. по: Калоев Б.А. Указ. С. 153.
- ⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 56.
- ⁵⁰ Анисимов И. Горские евреи // Гашиолах. Берлин, 1908. Т. 18. Вып. 107. С. 467 – 472 (на яз. иврит). Анисимов И. О происхождении горских евреев // Гамелиц. Одесса, 1894. № 234 (на яз. иврит).
- ⁵¹ РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1 Д. 56.
- ⁵² Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. Владикавказ, 1914. С. 28, 139.
- ⁵³ Анисимов Т. Ответ на письмо Э. Аважанского и нечто о распространении просвещения среди горских евреев // Дагестан. Петровск, 1906. 18 марта. № 15.
- ⁵⁴ Отчет Бакинского отделения Общества распространения просвещения между евреями в России за 1913 год. Баку, 1914. С. 11; Отчет Бакинского отделения Общества распространения просвещения между евреями в России и летней колонии за 1912 год. Баку, 1913. С. 14.
- ⁵⁵ Anisimov N.A. Grammatik zuhun tati M., 1932. С. 15.
- ⁵⁶ Р.Ш. Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов востока СССР // Этнография. М.; Л., 1927. № 1 – 2. С. 203.
- ⁵⁷ ЦГИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1547. Л. 3, 3об., 4; см. также: Д. 1635. Л. 7об. – 8.

"КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ" КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Структурно монография "Кавказские еврей-горцы" делится на введение и четыре главы. Имея целью облегчить читателю восприятие материала, Анисимов "расшифровывает" содержание глав следующим образом:

Глава I. Об оседлости горских евреев. Отношение других горцев к ним. Статистические сведения о евреях-горцах. Занятия горских евреев. Религия и верования. Праздники народные и религиозные. Образование. Училища. Раввины. Синагоги. Религиозные обязанности женщин и их омовения.

Глава II. Тип и характер. Праздность и любознательность горских евреев. Женщина-груженница семьи. Склонности женщин к сплетням и дракам. Многоженство. Жилища и гостеприимство. Пища и напитки. Одежда. Домашний быт горских евреев. Булка. Сугум. Обряды при рождении и обрезании.

Глава III. Женитьба. Положение женщины как причины различных несчастий. Обряды горцев-евреев при помолвке детей и обручении. Жених и невеста. Приглашение жениха родителями невесты. "Гечелей" (ночные свидания). О разводе. Взгляд общества на гечелеи. "Табаг". Пресечение пути жениху и невесте. Поверья. Свадьба.

Глава IV. Сиделки у больного еврея-горца. Господствующие болезни и способы их лечения. Местные врачи и отношение горцев-евреев к медицине. Причины заразительных болезней. Похороны. Женщины-плакальщицы. Траур по умершим молодым и старикам. Девушка-невеста по смерти жениха. Поверья относительно смерти, относительно носилок, могил и воя собак. Кровная месть. Суды и управления у городских и сельских жителей. Случай убийства. Справление поминок. Поверья о бессмертии души и о загробной жизни. Высший верховный суд. Троны Бога. Гелгел (вращение). Ад. Рай.

"Среди многочисленных народностей Кавказа, — пишет Анисимов, — привлекавших к себе внимание исследователей-этнографов, сохранилось одно немногочисленное племя, о быте которого до сих пор известно очень немногое. Это — горцы-евреи, или, как их называют, горские евреи".

Во введении автор дает небольшую историографическую справку, указав, что известно всего четыре сочинения, посвященных евреям-горцам (две статьи И. Черного в "Сборнике сведений о кавказских евреях" и "Терских ведомостях", работа Вас. Ив. Немировича-Данченко "Воинствующий Израиль" и статья самого И. Анисимова "Кавказские еврей-горцы" в "Рассвете"). Говоря о книге Немировича-Данченко, автор замечает: "Она действует более на воображение читателя своими фантастическими, художественными картинками, чем на ум". При этом он оговаривается, что "изображением нравов, обычаев и некоторых сторон быта горских евреев, в виде художественных сценок, она приобрела довольно обширный круг читателей..." Более подробно разбирает Анисимов работы Черного, указывая на многочисленные неточности, допущенные известным путешественником при описании различных сторон жизни и быта горских евреев, и в то же время подчеркивая, что "нужно... отдать и справедливость покойному автору и заметить, что как любитель-путешественник он представил очень много интересного из действительной жизни горских евреев, описал их домашнюю обстановку и собрал статистические сведения об их численности и местах поселения"¹.

Видимо, труднодоступность некоторых литературных источников не позволила Анисимову ознакомиться с несколькими довольно ценными сочинениями о горских евреях, известных к моменту написания монографии. Так, в 1853 г. в газете "Кавказ" появилась большая статья И.А. Сливцового "Кавказские евреи" (ее полный текст был опубликован в особом приложении к газете "Кавказ" в 1868 г.). Автор вкратце касается вопросов этнической истории горских евреев, рассказывает об их основных занятиях, еврейской традиционной системе питания; довольно любопытны собранные им статистические данные².

В 1862 г. в русском приложении к журналу "Гакармель", выходявшем на иврите (древнееврейском языке) в Вильно, был опубликован очерк "Кавказские евреи", подписанный "Кавказец" (судя по содержанию очерка, автор – русский офицер, проходивший службу на Кавказе). Название очерка не должно вводить в заблуждение исследователя – говоря о кавказских, автор описывает жизнь и быт собственно горских евреев, и в частности дагестанских евреев³. В 1871 г. в газете "Вестник русских евреев", издававшейся в Санкт-Петербурге, был опубликован пространный очерк Д.М. Дубелира "Евреи на Кавказе"⁴. Несомненно, что основным источником для написания очерка послужили работы И. Черного и И. Сливичского (а также некоторые другие литературные материалы). Оригинальным является трактовка Дубелиром проблемы этногенеза горских евреев, собранные им статистические сведения о всех вообще евреях, проживавших на Кавказе (русских, грузинских и горских), а также этнографическое описание нальчикского горско-еврейского поселка, который, судя по содержанию очерка, автору удалось посетить.

В 1883 г. в Одессе была издана небольшая брошюра И. Сегалья "Кавказские евреи", в которую автор включил свои очерки, печатавшиеся ранее на страницах русско-еврейской прессы. И. Сегаль, проживавший в Тифлисе, предстает как бытописатель различных сторон жизни преимущественно грузинских евреев. Проблемы, затрагиваемые автором (вопросы этногенеза кавказских евреев, некоторые аспекты их общественно-семейного быта, статистические сведения и т.д.), представляют определенный интерес для исследователя истории и этнографии горских евреев. Отметим, что автор достаточно хорошо знаком, судя по его очеркам, с существовавшей исторической литературой по кавказским евреям; одной из его слабых сторон является то, что он не всегда критически относится к используемым источникам⁵.

Представляет некоторый этнографический интерес опубликованная в одном из августовских номеров владикавказской газеты "Терские ведомости" за 1884 г. небольшая статья Х. Адидлаева "Из местных еврейских нравов", в которой автор дает описание некоторых сторон жизни и быта нальчикских горских евреев⁶.

В 1885 г. в газете "Кавказ" (№ 77 от 22 марта) была опубликована статья "Кавказские горские евреи (Даг-Чуфут)", подписанная Б.Ф. Автор широко использовал труды Черного, излагая некоторые вопросы этнической истории и остро стоявшей во второй половине 80-х годов XIX в. проблемы правового положения горских евреев; статья содержит также краткие, но интересные сведения этнографического характера⁷.

В 1887 г. в газете "Терские ведомости" был напечатан небольшой, но очень содержательный очерк "Несколько слов о горских евреях" (подписанный "Кто-нибудь"), получивший широкую известность и впоследствии перепечатанный тифлисской газетой "Новое обозрение" и санкт-петербургским журналом "Северный вестник" (последний дал статью в подробном изложении)⁸.

Бесспорно, практически все вышеперечисленные публикации носят преимущественно описательный характер; тем не менее в них содержится большой фактический материал, что способствовало знакомству широкой публики с бытом народов Кавказа.

По мнению Анисимова, ряд местных топоформантов (в Дагестанской и Терской областях, а также Бакинской губернии) свидетельствуют о том, что количество еврейских поселений на территории вышеназванных регионов было гораздо более многочисленным, но затем значительно уменьшилось вследствие протекавших здесь многовековых этнических процессов.

Большой интерес представляют собранные автором статистические данные. Так, по его сведениям, горские евреи проживают в 36 аулах и городах Дагестанской, Терской и Кубанской областей, Бакинской и Елизаветпольской губерний; общая численность их составляла 21 129 человек (из них 10 892 мужчин, 10 237 женщин); количество семей — 4090 (из них в городах проживало 1503 семьи, а в аулах 2587); средняя численность горско-еврейской семьи составляла 5,61 человека (в городах — 7,35, в аулах — 3,87)⁹.

Анисимов приводит интересные документы, характеризующие правовое положение горских евреев. Так, согласно предписанию Ставропольской казенной палаты Хасавюртовскому слободскому общественному правлению от 12 ав-

густа 1883 г. за № 27597 у "горских евреев не следует требовать удостоверений полиции ввиду того, что ограничение прав по торговле евреями... не относится до горских евреев, как коренных жителей Кавказа, которые по торговле пользуются правами и преимуществами наравне с горскими племенами Кавказа и вообще коренными русскими"¹⁰.

Другой документ представляет собой копию с отзыва канцелярии Терского областного правления от 23 октября 1887 г. на имя начальника Хасавюртовского округа. Доверенные от горско-еврейских обществ Аксая, Кустека, Андреевское и Хасавюрта — Иргана Измаилов, Анох Мелихов, Алхас Алхасов, Юнун Амиржуев — обратились к главноначальствующему гражданской частью на Кавказе с прошением "о предоставлении горским евреям, служащим в военной службе, тех прав и преимуществ по службе, какими в оной пользуются все туземцы". Начальник Терской области в своем ответе просителям указал, что "горские евреи, согласно устава о воинской повинности 28 мая 1886 года, отбывают воинскую повинность натурою и что поступившие из них в военную службу будут пользоваться всеми служебными правами наравне с лицами других исповеданий..."¹¹

Говоря о проблеме происхождения горских евреев, автор пишет: «История переселения горских евреев на Кавказ достоверно не известна, и никаких письменных указаний не сохранилось на время этого переселения; но основываясь на народных преданиях, эти евреи ведут свое происхождение от израильтян, выведенных из Палестины и поселенных в Мидии еще ассирийскими и вавилонскими царями. Таким образом, их предки принадлежат еще ко временам 1-го храма... как об этом заявляют и сами горские евреи, в какой бы аул или город вы ни приехали, говоря, что это предание перешло от их дедов и отцов. Еще в Персии евреи смешались с иранским племенем татов, причем одни приняли господствующую языческую религию последних, другие распространяли религию Моисея между иранцами, вследствие чего, во-первых, теперешний язык евреев принадлежит к группе иранских языков... а во-вторых, в религии горских евреев остались и до сих пор некоторые языческие верования. Затем в средние века, по преданиям же, таты-евреи смешались с хазарами, жившими на западном берегу Кас-

пийского моря, так что хазарских царей этих времен они считают в то же время своими. И наконец по вторжении арабов на Кавказ множество татов-евреев целыми аулами приняли магометанство, а остальные остались верны религии Моисея и получили наименование "Даг-Чуфут", т.е. горские евреи. Многие местности Табасаранского и Кюринского округов Дагестанской области, а затем Кубинского уезда Бакинской губ., где преимущественно живут горцы-евреи, населены и теперь татами-магометанами, которые имеют сходный тип с горскими евреями и говорят одним языком с ними.... Многие аулы сами говорят о своей недавней принадлежности иудейской религии... Жители этих аулов до сих пор дают детям своим имена своих отцов и матерей, взятые из Ветхого завета и носимые горскими евреями»¹².

По свидетельству Анисимова, в некоторых дагестанских аулах можно встретить горских евреев, принявших ислам (чаще всего это происходило из-за любви к девушке-мусульманке). Он рассказывает о следующем любопытном случае, происшедшем с одним из таких прозелитов, который был убит горским евреем (своим бывшим односельчанином). Вспыхнувшая между двумя родами — убийцы и убитого — кровная месть была остановлена после вмешательства аульных властей: родственники убийцы выплатили семье убитого 200 руб., а сам убийца был отправлен в другой аул сроком на два года¹³.

Анисимов обращает особое внимание на обычай куначества, имевшего в условиях традиционного патриархального горского быта огромное значение, подчеркивая, что горские евреи жили в дружбе и согласии с окружающими их кавказскими народами. Он пишет: «Нередко горский еврей вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, делается на всю жизнь его "курдашем". При этом они обмениваются оружием и дают друг другу "священный обет" не пожалеть и головы в случае надобности для спасения друга»¹⁴.

Говоря о занятиях горских евреев, Анисимов указывает, что мнение о том, будто горские евреи занимаются исключительно торговлей, ошибочно. По его подсчетам, торговлей занимаются 14,05% от общего количества семей; 115 семей держали мануфактурные лавки, из них в городах — 99 се-

мей, в аулах — 16; бакалейные лавки держали 212 семей, из них в городах — 73, в аулах — 139; разносной торговлей занималось 262 семьи, в городах — 45 семей, а в аулах — 127.

“Бывая большей частью в городах, — пишет автор, — видя по дорогам большое количество евреев разносчиков и не углубляясь в самую жизнь горских евреев, путешественники выводили заключение, что они занимаются преимущественно торговлей. Однако нетрудно заметить, что главные занятия горских евреев заключаются: а) в обработке земли, в возделывании полей, на которых сеют пшеницу, ячмень, маис, рис, в разведении виноградных и фруктовых садов, в культивировании марены и овощных растений; б) по обрабатываемому производству: в выделке сафьяна, кож из сырых шкур, которые получают они или от своих домашних животных, или у туземцев за деньги, или у своих братьев, владеющих стадом коров, баранов, коз, лошадей, и, наконец, в шелководстве и приготовлении сыра, масла из буйволиного и овечьего молока”¹⁵.

По сведениям автора, мануфактурной торговлей занимались 6,56% горско-еврейских семей, проживающих в городах, и 0,61% сельских семей; бакалейной и мелочной соответственно 4,88% и 5,37%, разносной 2,32% и 8,38%. При этом Анисимов особо подчеркивает, что купцов с большими оборотами среди горских евреев не более 5%, причем наиболее богатые из них обладали состоянием в 25—30 тыс. руб. Подавляющее же большинство торговцев “едва успевают прокормить себя и семейство, обыкновенно обремененное множеством детей”¹⁶. Характерно, что лишь 143 горско-еврейских семейства (3,05% от их общего числа) имели собственный надел земли и необходимый сельхозинвентарь¹⁷.

При описании занятий горских евреев Анисимов приводит многочисленные цифровые данные: о размерах земли, обрабатываемой горско-еврейскими семьями (на одно семейство приходилось 0,89 десятины годной и негодной земли), количестве домашнего рогатого скота, распространении охотничества среди горских евреев, а также садоводства, мареноводства, кожевенничества, шелководства и т.д.

По подсчетам Анисимова, горско-еврейские хозяйства имели: крупнорогатого скота 2048 голов (в городах 735, в ау-

лах 1313), лошадей и ослов — 851 (соответственно 389 и 462)¹⁸.

По мнению автора, отходничество у горских евреев объяснялось двумя причинами: острым земельным голодом и падением мареноводства. Он, в частности, указывает: "Особенно много рабочих в городах, где они часто, не находя никакой работы, остаются без всякого средства к существованию и увеличивают собою класс нищенствующих"¹⁹.

Придя к выводу, что "экономическое положение горских евреев довольно печально", Анисимов отмечает: "Недостающий хлеб и крупный рогатый скот покупается ими за деньги у туземцев или христиан, занимающихся вблизи хлебопашеством, или доставляется меновой торговлей на фрукты, сафьян, табак и пр."²⁰

Садоводство, по словам автора, "занимает видное место в занятиях горских евреев"; общее количество садов, принадлежащих горским евреям, 340 (в городах — 191, в аулах — 149). "Табак горских евреев, хотя низшего сорта по семени, — пишет Анисимов, — выходит очень крепким и недурного качества, так что русский табак, если и бывает в этих местах, почти не употребляется". По подсчетам автора, всего табаководов — горских евреев — 697 человек (в городах — 300, в аулах — 397).

Говоря о таком занятии горских евреев, как кожевенничество, автор замечает: "Специалисты по обработке сырых шкур находят кожи и сафьян, изготовленные горскими евреями, очень порядочными и крепкими"; общее число кожевников — 247 человек (в городах 89, в аулах 158)²¹.

Несомненный интерес представляют статистические сведения о горско-еврейском населении Дербента, переданные Анисимову рабби Я. Ицхаки. В 1882 г. здесь проживало 1607 горских евреев (826 мужчин и 781 женщина), в 1883 г. — 1660 (соответственно 856 и 814), в 1884 г. — 1700 (864 и 836), в 1885 г. — 1746 (888 и 858). Динамика рождаемости выглядит следующим образом: в 1882 г. — 99 человек (57 мужчин и 42 женщины), в 1883 г. — 98 (соответственно 52 и 46), в 1884 г. — 86 (43 и 43), в 1885 г. — 94 (53 и 41), в 1885 г. — 94 (53 и 41). Естественная убыль населения составляла: в 1882 г. — 29 человек (17 мужчин и 12 женщин),

в 1883 г. — 35 (соответственно 22 и 13), в 1884 г. — 57 (35 и 22), в 1885 г. — 48 (29 и 19).

Сопоставление динамики брачности и разводимости убедительно доказывает верность тезиса автора о стабильности горско-еврейской семьи. Так, в 1882 — 1885 гг. было зафиксировано 116 браков и 8 разводов²².

Весьма любопытные сведения приводит автор, говоря о пережитках язычества в религиозных воззрениях горских евреев. По его словам, они, "хотя уверены в существовании единого Бога, но предполагают, что кроме Него есть и другие необыкновенные существа божественного происхождения, которые пользуются покровительством Бога во всех своих предприятиях и имеют обширную власть над природой и человеком. Некоторые из этих божеств видимы и являются человеку в образе какого-либо животного, чтобы наказать его за тот или другой проступок или наградить за доброе дело ... Правда, в последнее время горские евреи, знакомясь с европейскими или русскими евреями, у которых вполне установлены законы Моисея, начинают постепенно очищать свою веру от прежних языческих верований и забывают своих второстепенных богов, но к таким пуристам относятся только городские евреи или те, которые имеют раввина, получившего иудейское образование между русскими евреями или у какого-либо своего святого рабби. Но жители аулов, которые продолжают жить в первобытном состоянии, чтут этих духов и теперь и справляют в известные дни и времена года различные церемонии"²³.

На основании собранного обширного полевого этнографического материала Анисимов довольно подробно описывает представления горских евреев о почитаемых ими божествах (многие из которых, по мнению автора, имеют прямые аналогии с персонажами славянской мифологии — домовыми, водяными, русалками и т.д.), рассказывает о народных праздниках, справляемых в их честь, различных повериях, связанных с ними; немалый интерес представляет также описание традиционных религиозных еврейских праздников.

Говоря о распространении грамотности среди горских евреев, автор указывает, что общая численность грамотных среди них составляет 1324 человек (в том числе в аулах 557,

в городах 767); процент грамотных довольно невелик (6,26%, т.е. на 16 человек 1 грамотный). Училища горских евреев делятся, по свидетельству автора, на два разряда — высшие и низшие (и те и другие содержались исключительно на средства раввинов). Помещением для училищ служили отдельные комнаты либо в домах раввинов, либо в синагогах.

Давая характеристику антропологическому типу горских евреев, Анисимов замечает, что "черты семитского типа в них значительно видоизменены путем смешения" с горскими народами Кавказа, причем, по его мнению, в "красоте мужчины много уступают женщинам..."²⁴

Подробно классифицирует автор основные элементы жилища горских евреев (планировка, конструктивная система, строительный материал, жилые и хозяйственные помещения). По его словам, жилище делилось на две половины: женскую и мужскую; одна комната предназначалась специально для приема гостей (кунацкая). Так же подробно характеризуются автором элементы интерьера (мебель, утварь, посуда и т.д.). Национальная одежда горских евреев, по его свидетельству, ничем не отличалась от традиционного кавказского костюма (как у мужчин, так и у женщин).

Весьма ценным представляется следующее замечание автора: "Домашний быт горских евреев основан на адатах (обычаях), перешедших к ним от предков, и на некоторых обычаях, усвоенных евреями от других племен Кавказа. Помогать ближнему в случае нужды, если не материально — деньгами, то работаю рук своих, считается священным долгом у евреев-горцев. Таких обязанностей очень много между горцами, но особенно заслуживают внимания различные собрания, которые ставят своею задачею помогать бедным и неуспевающим в работе, помогать деньгами сиротам, ухаживать за больными и пр."²⁵

Отдельная глава монографии посвящена брачно-свадебной обрядности горских евреев. «Женитьба сопряжена для еврея-горца, — подчеркивает автор, — с большими трудностями и многолетними стараниями о скоплении некоторой суммы, для того чтобы купить себе невесту. Обычай требует, чтобы еврей-горец, вздумавший жениться, заплатил родителям невесты деньги, которые называются "калын" [местное

произношение общетюркского слова "калым". — *Рег.*] Ка-
лын редко доходит до суммы менее 150 р. сер., а если к это-
му прибавить, что свадьба продолжается обыкновенно око-
ло четырех суток, справляется также на счет жениха и что
подвенечные одежды, по обычаю горцев богато обшитые се-
ребрянными и золотыми галунами, должны быть сделаны им
же, то в итоге выходит, что горец, чтобы жениться, должен
иметь минимум 300, 400 руб. сер. — сумму, по их средствам,
совсем немалую, почему у евреев-горцев старые холостяки
далеко не редкое явление. Но так или иначе еврей-горец,
считающийся порядочным человеком, должен жениться и,
следовательно, стараться скопить денег; иначе на него смот-
рят всюду, как на неблагогородного горца, недостойного но-
сить папаху (шапку) и кинжал»²⁶.

Положение горско-еврейской женщины, указывает
Анисимов, было таким же, как и у остальных горских наро-
дов Кавказа. "Обычай всех горцев требует, — замечает по
этому поводу автор, — чтобы молодые люди — парни и де-
вушки — не видали друг друга, и девушке показываться
мужчинам или назначать им свидания воспрещается безус-
ловно и строжайше. Поэтому девушки до замужества ведут
почти замкнутую жизнь и никуда не показываются, исклю-
чая тех случаев, когда они посещают друг друга, присутству-
ют на свадьбах... Вследствие этого девушки горских евреев
отличаются теми же свойствами, как и все женщины Востока:
они стыдливы, робки и крайне невежественны, но вме-
сте с тем строго целомудренны и трудолюбивы. Жизнь за-
мужних женщин ненамного лучше жизни девушек"²⁷.

Основной формой брака у горских евреев, указывает ав-
тор, был брак по сговору; менее распространенной формой
брака был брак путем похищения (как правило, это было
символическое похищение). «Надо заметить, — пишет ав-
тор, — что обычай "воровать девушку", существующий у ев-
реев-горцев, наравне со всеми племенами Кавказа, не все-
гда кончается... трагическими сценами, а большею частью
мирно. Если молодой человек, укравший невесту, успел до
погони родственников, или пока они не отняли ее у него фа-
ктически стать ее мужем, то она делается его женою. А это,
конечно, возможно только с согласия девушки, которая бе-
жит с ним по желанию и вопреки воле родителей; иначе не-

мыслимо, чтобы она сделалась его женою, так как девушка защищается героически против похитителя (а на это способны горские девушки!), пока не подоспеет к ней помощь от родных. Таких случаев очень много, особенно в аулах»²⁸.

Этнически смешанные браки, по свидетельству Анисимова, были большой редкостью среди горских евреев. В отличие от ашкеназов у горских евреев широко было распространено многоженство. По замечанию автора, часто причиной двоеженства была бездетность. "Многоженство, — указывает он, — не воспрещается горцам-евреям религией, поэтому часто можно встретить и раввинов, имеющих двух жен. Число жен не ограничено адатом, но редко встречаешь таких, которые имели бы трех жен. Женатых на двух бывает в каждом ауле или городе около пяти, шести и приблизительно человек десять на сто дымов. Жены живут или вместе, имея по особому помещению, или порознь в особых саклях, и муж посещает их поочередно"²⁹.

Брачный возраст автором не определен, но он указывает, что "горские девушки выходят очень рано замуж, так что 15-ти лет они по большей части имеют уже и ребенка"³⁰.

По Анисимову, традиционный свадебный цикл у горских евреев состоял из следующих этапов: предварительного (переговоры о вступлении в брак и его условиях — сговор, обручение, сватовство), собственно свадьбы, а также обрядов послесвадебного цикла. Зачастую детей сватали в младенческом возрасте; строго придерживались обычаев ливерата (брак с женой умершего брата) и сорората (брак с сестрой умершей жены).

Бракосочетание начиналось с приходом в дом родителей невесты родственников жениха в качестве сватов. Если родители невесты давали согласие на брак, то встречались отцы семейств и договаривались о размерах калыма; назначался день обручения. В этот день в доме родителей жениха собирались гости, приглашался раввин, который составлял и записывал "тоной" (условия обручения). Жених в тот вечер уходил из дому и ночевал у одного из своих близких друзей (согласно адату, ему совестно было находиться там, где ежеминутно произносят имя его невесты). Невеста же, укутанная платком, стояла весь вечер, обернувшись к стене. После торжественного ужина гости расходились, оставались только близкие род-

ственники, в том числе жениха, для обряда открытия лица невесты. Через некоторое время после обручения игралась свадьба, причем временной промежуток между ними мог быть различным: от нескольких недель до нескольких лет.

Обряд венчания, по словам автора, происходит следующим образом: «На дворе синагоги стоит балдахин, под которым должны венчаться новобрачные. Балдахин состоит из куска шелковой материи, натянутой на четыре жерди. Жерди эти держатся четырьмя родственниками невесты и жениха. Во время венчания раввин читает молитвы, а жених со своим нареченным братом и невеста с посаженной матерью стоят поникши головами под балдахином и слушают раввина ...Потом раввин берет полный стакан вина, произносит молитву и передает его жениху. Последний, так же как и невеста, постится с восьми часов вечера предыдущего дня и только теперь впервые отпивает немного вина и подает невесте. Невеста, сделав то же, подает его раввину. Затем жених надевает невесте на палец кольцо или кладет ей в руку серебряную монету и повторяет за раввином слова священного Писания. После этого раввин читает вслух брачное условие "кетибо", в котором упоминается, какое приданое приносит с собою невеста и сколько, в случае развода, жених обязывается уплатить ей наличными деньгами. После чтения раввин снова наполняет стакан вином, опять читает над ним молитву, но на этот раз подает его не жениху, а невесте. Та отдает его жениху, а последний, отпив немного, со всей силы разбивает стакан о камень, с этой целью лежащий здесь же под балдахином. Наконец балдахин снимается, и раздаётся дружное "ура" присутствующих»³¹.

По Анисимову, родильная обрядность горских евреев бытовала в более архаичной форме, чем у некоторых других кавказских народов. Рождение ребенка у горских евреев сопровождалось различными обрядами и действиями магического характера, помогавшими роженице разрешиться от бремени. Когда женщина чувствовала приближение родов, в дом приглашали профессиональную повитуху ("момой"). Рожала горская еврейка или стоя или стоя на коленях, а иногда лежа на земле. Если роды были трудными, то одну из женщин посылали на кладбище, чтобы она принесла горсть земли с могилы покойника (какого именно, указывала пови-

туха). Эту землю смешивали с водой и давали роженице. Если же и это средство не помогало, то муж роженицы приглашал синагогальных служек, которые читали молитвы и просили Бога помочь страдающей.

Трудные роды горские евреи объясняли вмешательством "нечистых сил"; для защиты от них применяли различные обереги. Так, когда женщина чувствовала приближение родов, одна из ее родственниц вешала на дверь комнаты, где лежала роженица, кусок белой материи; считалось, что "нечистые силы" боятся белого цвета.

Если рождался мальчик, повитуха спешила поздравить отца ребенка, и тот щедро одаривал ее; на восьмой день совершался обряд обрезания. "Операцию обрезания, — пишет автор, — делает раввин или резник и почти всегда очень искусно. Рану обмывают ртом, набирая в него уксусу, и посыпают обожженною шерстью и порошком из особой обожженной глины. Через три — четыре дня рана заживает, и ребенок делается здоровым"³².

Обряд обрезания совершался, как правило, в синагоге: новорожденного держал на подушке "отец по обрезанию" (т.е. крестный); раввин производил операцию обрезания, а настоящий отец читал в это время молитву. После совершения обряда здесь же в синагоге устраивался торжественный обед.

После родов женщина "лежит в постели... обыкновенно дней девять — десять и не больше двух недель. После рождения мальчика она идет на омовение через 40 дней, а после девочки через 60"³³.

Именник горских евреев, указывает Анисимов, соответствовал традиционному именному фонду всех еврейских этнографических групп (древнееврейские имена; имена, связанные с предметами и явлениями окружающей среды; имена, представляющие собой характеристику личных качеств человека и т.д.); строго придерживались горские евреи обычая (не регламентированного, однако, религиозными предписаниями) почитания памяти умершего предка путем передачи его имени потомку.

Довольно интересные сведения приводит автор о народной лечебной системе горских евреев. Причиной большинства болезней, по мнению горских евреев, являлись злые ду-

хи, о чем свидетельствовали и названия большинства из них, например: сумасшествие ("схваченный дьяволом"), ревматизм ("дух дьявола"), сердечные болезни ("хватание за сердце и сжимание его дьяволом") и т.д. Знахари лечили больных путем применения различных лекарственных трав. «Кроме трав для лечения, — пишет автор, — употребляются ими еще различные масла, соли и мясо животных, как напр. летучих мышей, ежа, крыс, кровь черных или белых птиц с молоком и пр. Раны же лечат большей частью печенью, курдючным салом и тестом, которое смешиваются с сахаром или медом. Самое же главное, без чего не обходится никакой опасной больно́й, есть "хейкел" (талисман), который имеет вид равностороннего треугольника из сукна или кожи, украшенного галунами. Он прикрепляется или под мышкой, или на спине на верхнем платье, а иногда висит на шее на шнурке. Этот талисман заключает в себе, смотря по роду болезни, разные травы и камни, которые обматываются несколько раз шелковыми или шерстяными нитками, имеющими также различное значение; над ними нашептывают и производят различные реакции над парами воды, спирта и пр.»³⁴

Анисимов подробно описывает весьма сомнительные способы лечения, применявшиеся различного рода "лекарями" и так называемыми цирюльниками (которых он считает шарлатанами и проходимцами), и указывает, что истинными причинами большинства болезней служили скученность жилищ, антисанитарные условия и т.д.

Подробно характеризуя похоронный цикл горских евреев (обряд оплакивания, обмывания покойника, обряд погребения, соблюдения траурной недели — "овил", установление надмогильных памятников и т.д.), автор передает также некоторые представления горских евреев о потустороннем мире, бессмертии души и т.д. В случае насильственной смерти родственники убитого строго придерживались обычая кровной мести. «Каждая капля крови, — отмечает автор, — по мнению еврея-горца, должна быть отомщена, и покойник до тех пор не успокоится, кровь его не перестанет кипеть, и он не будет принят к престолу Всевышнего, пока не будет взята кровь за кровь. Долг мести переходит от одного близкого родственника к другому, и мстить могут родственники

убитого не только убийце, но и всякому, попавшему им на пути из его родственников. В последнее время, однако, благодаря увеличению полицейского надзора в селах и городах, убийцы находят защиту и избегают мести, заплатив за кровь убитого назначенную "адатом" (обычным правом) сумму»³⁵.

- ¹ Анисимов И.Ш. Кавказские евреи-горцы. М., 1888. С. 1, 7. (Далее: КЕГ).
- ² Сливцкий И.А. Кавказские евреи // Кавказ. Тифлис. 1853. 25 февр. № 15; то же // Особое приложение к газете "Кавказ". Тифлис. 1868. Вып. 1. С. 21 – 35.
- ³ Кавказец. Кавказские евреи // Гакармель (русское приложение). Вильно. 1862. 13 июля. № 2. С. 7 – 8; 20 июля. № 3. С. 9 – 10.
- ⁴ Дубелир Д.М. Евреи на Кавказе // Вестник русских евреев. СПб. 1871. 3 янв. № 1; 10 янв. № 2; 17 янв. № 3; 24 янв. № 4; 31 янв. № 5; 7 февр. № 6; 14 февр. № 7.
- ⁵ Сегаль И.Л. Кавказские евреи. Одесса, 1883.
- ⁶ Агидлаев Хазби. Из местных еврейских нравов // Терские ведомости. Владикавказ. 1884. 23 авг. № 68.
- ⁷ Б.Ф. Кавказские горские евреи (Даг-Чуфут) // Кавказ. Тифлис. 1885. 22 марта. № 77.
- ⁸ Кто-нибудь. Несколько слов о горских евреях // Терские ведомости. Владикавказ. 1887. 12 апр. № 30; То же // Новое обозрение. СПб. 1887. 5 апр. № 1142; То же // Северный вестник. СПб. 1887. Июнь. № 6. Отд. II, III. С. 94 – 95.
- ⁹ КЕГ. Статистические сведения (отд. лист)
- ¹⁰ Там же. С. 14.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 11 – 13.
- ¹³ Там же. С. 16 – 19.
- ¹⁴ Там же. С. 15.
- ¹⁵ Там же. С. 24.
- ¹⁶ Там же. С. 23.
- ¹⁷ Там же. С. 25.
- ¹⁸ Там же. С. 31.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 32.
- ²¹ Там же. С. 32 – 35.
- ²² Там же. С. 38.
- ²³ Там же. С. 39 – 40.
- ²⁴ Там же. С. 41.
- ²⁵ Там же. С. 84.
- ²⁶ Там же. С. 94 – 95.

- ²⁷ Там же. С. 96.
²⁸ Там же. С. 19.
²⁹ Там же. С. 74.
³⁰ Там же. С. 130.
³¹ Там же. С. 126 – 127.
³² Там же. С. 93.
³³ Там же. С. 94.
³⁴ Там же. С. 42.
³⁵ Там же. С. 145.

СОДЕРЖАНИЕ

И.Ш. Анисимов и его сочинение	3
“Кавказские еврей-горцы” как источник по этнографии горских евреев	23

Научное издание

Юрий Исаевич Мурзаханов

**ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИЙ ЭТНОГРАФ
ИЛЬЯ ШЕРЕБЕТОВИЧ АНИСИМОВ**

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.М. Черемных*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректор *Т.И. Шеповалова*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 11.06.2002
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печл. 2,3. Усл.кр.-отт. 2,7. Уч.-издл. 2,2
Тираж 1000 экз. Заказная. Тип. зак. 6415

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Ю. И. Мурзаханов

Горско-еврейский
этнограф
Илья Шеребетович
АНИСИМОВ

Юрий Исаевич
МУРЗАХАНОВ

родился в 1959 г. Окончил
исторический факультет
Кабардино-Балкарского
государственного
университета и аспирантуру
Института этнологии
и антропологии РАН.

В 1994 г. в Москве защитил
кандидатскую диссертацию
на тему «Современная
семья у горских евреев
Кабардино-Балкарии».

Автор ряда работ по
истории и этнографии
горских евреев Кавказа.

ISBN 5-02-008842-0

9 785020 088429

«НАУКА»